

имущество, так же как должность, профессия, социальная принадлежность, суть характеристики «персоны», сословно определенной человеческой личности. Столь же сомнительно утверждение Шталедера о том, что «Бог Бертольда и царство Божье, как он его изображает, не являют никакой альтернативы земному царству, но служат верным отражением всех земных противоречий и несообразностей» (221, 770, 789—790).

Подобное «прочтение» воззрений средневекового монаха едва ли приближает нас к их адекватному пониманию. Но, может быть, я не улавливаю в этих высказываниях шутки, которую Шталедер пожелал сыграть с читателями ученого журнала?

Притча о блудном сыне, вывернутая наизнанку, или эпизод из жизни рода Гельмбрехтов

Идеи «призвания», развиваемые в проповедях Бертольда Регенсбургского, ученого происхождения, — нечто подобное мы найдем в церковной литературе начиная с посланий апостола Павла и кончая сочинениями современника Бертольда — Фомы Аквинского. Бертольд преисполнен намерения указать каждому его место в социальном целом и предостеречь от поползновений как-либо изменить свой сословный статус. Рожденный простолюдином не должен стремиться сделаться рыцарем или судьей, и поведение каждого должно соответствовать нормам, принятым в его социальной среде, разряде, профессиональной или сословной группе.

Было бы любопытно проверить, как эти идеи, развиваемые образованным францисканцем, воспринимались в народе. Но возможна ли такая проверка? Ведь в XIII в. трудно ожидать появления произведений, в которых нашли бы непосредственное выражение взгляды простых людей, лишенных доступа к письменности. В связи с обсуждением социального учения Бертольда Регенсбургского не раз называлось рядом с его именем имя (или прозвище) Вернера Садовника, автора средневерхненемецкой поэмы «Майер Гельмбрехт». Жизнь и происхождение Вернера неизвестны, но есть основания считать его австрийским или баварским поэтом. Специалисты датируют его произведение серединой или третьей четвертью XIII в. (в интервале между 1240 и 1282 гг.) (114, 102; 175, 94; 188, 205; 91, 263). Таким образом, «Майер Гельмбрехт» и проповеди Бертольда Регенсбургского возникли примерно в одно и то же время и в тех же самых землях Германии.

Между церковной проповедью и поэтическим сочинением, соединяющим трагедию с комизмом и гротеском, немного сходства, и тем не менее велик соблазн их сопоставить. Дело в том, что поэма Вернера посвящена теме, которую на свой лад обсуждал и Бертольд Регенсбургский: всяк должен оставаться в своем социальном кругу, и выход из него чреват самыми роковыми последствиями. Более того, найдены и параллели. Утомленный поучениями своего отца о важности крестьянского труда и зависимости от него всей знати, сын, который желает вступить в круг благородных, заявляет:

«Дивлюсь...

В вас пропадает проповедник,

Ведь сыпать притчами — ваш стих.

(Избави Бог меня от них!).

Своею проповедью вскоре

Могли бы вы в поход за море

Поднять людей и двинуть рать...» (38, 561—567).

Автор, следовательно, отдает себе отчет в близости речей его героя проповеди нищенствующих монахов. Исследователь замечает по поводу этих слов юного Гельмбрехта: речи, которые произносит его отец, и суть не что иное, как проповедь (138, с. 52). Но найдена и другая, текстуальная параллель, уже непосредственно между «Майером Гельмбрехтом» и проповедями Бертольда Регенсбургского. У последнего в латинской версии читаем: «*Si iret ad aratrum ut pater suus, esset in pace*» («В мире пребудет тот, кто, подобно своему отцу, следует за плугом»). Причем эта максима, сама по себе не чрезмерно оригинальная, содержится в таком контексте: «О грабители, господа, оруженосцы, воры, прелюбодеи и вам подобные, сколько несчастий и неудобств вы терпите... Оруженосец страдает от голода, жажды, жары, холода и иных невзгод, помимо того, что подвергает свое тело угрозе смерти...» Здесь упомянуты все те тяготы, которые выпали и на долю сына Гельмбрехта, после того как он оставил крестьянское сословие (207, 139 и сл.).

Речь идет, однако, не о литературных влияниях или заимствованиях, а, скорее, о перекличке некоторых морально-дидактических установок в проповеди Бертольда Регенсбургского и в поэме Вернера Садовника. Тем интереснее сопоставление.

Но прежде всего остановимся вкратце на содержании поэмы «Майер Гельмбрехт». Оно незамысловато. Поэма изображает семью майера — богатого крестьянина, наследственного арендатора земли у феодала, которому он платит ренту; он ведет самостоятельное хозяйство. Майеры представляли собой высший и наиболее преуспевающий слой крестьянства Германии, своего рода «крестьянскую аристократию». У крестьянина Гельмбрехта есть сын, носящий то же имя. Юный Гельмбрехт в противоположность отцу и деду (они все носят наследственное в этой семье имя) не имеет желания пахать землю и вести крестьянский образ жизни — он преисполнен отвращения к подобным низменным занятиям и жаждет приобщиться к рыцарству. Но рыцарские доблести в его восприятии — не куртуазия и не служение «делу Господа», не участие в крестовом походе. Рыцарский разбой, который достиг своего апогея в период «междучарствия» в Империи, являет ему иной идеал: разнузданного насилия, легкой жизни без труда, отказа от всех сословных и моральных устоев и принципов.

Несмотря на убеждения отца, который предостерегает юного Гельмбрехта от ухода из деревни и предвидит трагическую неудачу его авантюры (вещие сны предрекают сыну изувечие и позорную казнь), этот крестьянский сын, желающий порвать со своим низким сословием, принуждает старого Гельмбрехта снарядить его для новой жизни, купить ему боевого коня — огромный по тем временам расход не для одного только крестьяни-

на! — и покидает отцовскую усадьбу. Новоявленный рыцарь, вернее, вооруженный слуга рыцаря, сводит компанию с подобными ему разбойниками, имена которых как нельзя лучше их характеризуют: Глотай Ягненка, Дьявольский Мешок, Овцеглот, Острый Ключ, Трясикошель, Быкоед, Волчья Пасть, Волчья Морда, Волчья Утроба. Сам он удостоился прозвища Живоглот. Он намерен породниться с выходцем из их среды, выдав свою сестру Готелинду замуж за Глотай Ягненка. При этом Гельмбрехт-младший открывает сестре свою «тайну»: он — не сын крестьянина, его мать якобы согрешила с «безупречным рыцарем», от которого он и унаследовал свой пыл и гордый дух. Сестра отвечает ему подобным же «признанием»: мать родила ее не от союза с мужем, а после встречи в лесу с «достойным рыцарем».

«Вот отчего мой дух высок,

Он древа гордого росток (38, 1391—1392).

Эти позорящие доброе имя их матери высказывания — выдумка для оправдания их стремления порвать с собственным сословием, их высоких, но вполне неосновательных претензий. Глотай Ягненка и Готелинда играют свадьбу.

Однако банда кончает самым жалким образом, — все они захвачены властями и казнены, за исключением лишь юного Гельмбрехта, которого ослепили и отрубили ему руку и ногу. В столь плачевном виде является он к дому своего отца, но тот не желает его признать и приютить. Отвергнутого всеми калеку узнают крестьяне, которых он в свое время грабил и подвергал насилиям, и вздергивают его на виселице. Разрыв со своим сословием и присоединение к разбойному рыцарскому сброду приводят к логичному и справедливому, с точки зрения автора, финалу.

Исходя из содержания поэмы, некоторые исследователи XIX в. квалифицировали ее как «сельскую историю» и чуть ли не как изображение действительного происшествия — своего рода жизненную зарисовку. В произведении Вернера Садовника они были склонны видеть реалистическую картину общественных отношений, облеченную в форму семейного конфликта (188, 102—104). Поскольку Вернеру Садовнику никак нельзя отказать в близком знакомстве с деревенской жизнью, то высказывалось предположение, что поэт — выходец из крестьянской среды²⁴.

Эти оценки внушают серьезные сомнения. Сомнительность их коренится прежде всего в методологии прочтения художественного текста, в котором хотят видеть прямолинейное отражение действительных фактов и общественных противоречий. При этом игнорируют то, казалось бы, очевидное обстоятельство, что, создавая свое произведение, поэт неизбежно творит некий условный мир, независимый от внешней реальности микроскоп, управляемый не законами общественной жизни, а законами жанра, им избранного. Действительные, материальные отношения могут найти в этом произведении выражение лишь в преломленном виде, и необходимо выявить ту схему преломления, поэтической трансформации, которая заложена в изучаемом жанре.

Столь же сомнителен и поиск социальной принадлежности автора на основании его осведомленности и кажущихся симпатий и антипатий. Знание быта крестьян — слабое основание считать и самого автора крестьянином. О его происхождении, как уже упомянуто, ровным счетом ничего не известно, и в средние века трудно было бы найти человека, вовсе оторванного от деревни и ее быта. С не меньшей вероятностью можно допустить связь Вернера с монашеской средой или принадлежность его к бродячим поэтам — шпильманам. В научной литературе не раз выдвигалась точка зрения, согласно которой поэма о Гельмбрехте имела хождение в рыцарских кругах. По словам Ф. Панцера, искусство Вернера «расцвело не под сельскими липами, а при дворе» (38, XIII). Не следует упускать из виду, что поэт, несомненно, образованный человек. Исследователями отмечены влияние на него ряда литературных современников, в особенности поэта-сатирика Нейдхарта фон Рейенталя (на которого он прямо ссылается как на образец: 38, 217), но вместе с тем и независимость Вернера Садовника как поэта. Для характеристики его начитанности достаточно вспомнить описание сцен, вышитых на шапке юного Гельмбрехта (с этого описания начинается поэма); здесь и сцены троянской войны, и подвиги Роланда, и фигуры эпоса, героем которого является Дитер (Дитрих) Бернский, и изображение рыцарских развлечений. Эта шапка, которую трудно представить себе в виде материального объекта, скорее, фигурирует в поэме в качестве аллегорического обозначения тщеславия молодого Гельмбрехта.

Однако при оценке содержания и идейного смысла поэмы более существенно другое обстоятельство. Как справедливо отмечено рядом исследователей, поэма Вернера — не историческое свидетельство о некоем событии, не «реалистическая зарисовка» крестьянской действительности, а своего рода «проповедь в стихах», «предостережение», морально-дидактический «пример». Подобно ехетрла, расцвет которых приходится как раз на XIII столетие, У.-Т. Джексон находит в поэме о Гельмбрехте наглядный и впечатляющий рассказ и «морализацию» (138, 58; 145, 307—312; 188, 203 и сл.).

Если поэма и может служить историческим свидетельством, то совсем в другом смысле: она по-своему выразила определенные черты политической обстановки в Германии периода «междуцарствия», с его распадом привычных связей и устоев, с ростом социальной неустойчивости и разнузданности. Как представляется, в центре внимания автора не «сатирически гневное обличение рыцарства», а сожаление о моральном упадке его, который происходит на фоне всеобщей нравственной болезни, охватившей все общество, от господ до крестьян. Традиционные порядки лишились прочности. «Современность воспринята поэтом, — справедливо замечает Р. Френкель, — как момент величайшего кризиса, разрушившего моральные ценности и в замке, и в селе» (1, 92).

Как показатель глубокого кризиса нужно оценивать тот факт, что поэма прочитывается в качестве антитезы и «противовеса» евангельскому преданию о блудном сыне. Если в приводимой Лукой (15:11—32) притче ушедший от отца сын, расточив все, что получил от отца, возвращается домой раскаявшимся и находит радостный прием, то в поэме Вернера юный Гельмбрехт является домой в первый раз исполненным гордыни, а вторич-

но, после того как он потерпел жизненное поражение, его, несмотря на жалкий вид, отвергает отец, после чего он и погибает бесславной смертью преступника. Надо полагать, евангельская притча была актуальна в памяти поэта и читателей, и параллели всплывали в их сознании, поражая жесткостью контраста между безграничными милосердием и радостью, проявляемыми отцом в притче, и отказом Гельмбрехта-старшего принять сына-изгоя (119, 85—109; 144, 1—23).

То, что антиобщественное и нарушающее все сословные рамки поведение юного Гельмбрехта понудило отца, неизменно проявлявшего к нему отеческую любовь и заботу, отречься от него, не могло не обнажить перед аудиторией Вернера Садовника всей глубины разложения социальных и родственных связей, которое, с его точки зрения, происходило в тот период в Германии. Невозможно закласть лучшего тельца в честь возвратившегося блудного сына, — его приходится гнать прочь от порога отчего дома, хотя старый Гельмбрехт знает о неминуемой гибели, ожидающей отвергнутого сына. Здесь заключена трагедия. Ибо Гельмбрехт-отец вовсе не лишен естественных родительских чувств, но он подавляет их, отказывая в крове блудному сыну, — пересиливает чувство справедливости и сословной гордости, попранное ушедшим в разбойники наследником. Майер Гельмбрехт — воплощение высокого достоинства крестьянского труда. Его настроения и мысли предельно ясно выражены в его поучениях (большую часть текста поэмы составляют прямые речи персонажей, их диалоги). Пытаясь отвратить сына от безумного намерения возвыситься над собственным сословием, Гельмбрехт-старший говорит:

... не бросай отцовский кров.
Обычай при дворе суров,
Он лишь для рыцарских детей
Привычен от молодых ногтей.
Вот если бы пошел за плугом
И, мерясь силами друг с другом,
Мы запахали бы свой клин,
Счастливей был бы ты, мой сын,
И, даром не потратив силы,
Дожил бы честно до могилы,
Всегда я верность уважал,
Я никого не обижал,
Платил исправно десятину
И то же завещаю сыну.
Не ненавида, не враждуя,
Я жил, и мирно смерти жду я (1, 245—260).

Но возгордившийся сынок отвергает эти уговоры:

Хочу не прятаться в норе,
А знать, чем пахнет при дворе.
Не стану надрывать кишки
И на спине носить мешки,

Лопатой нагружать навоз
И вывозить за возом воз,
Да накажи меня Господь,
Зерно не стану я молоть

.....

Нет, я не буду помогать
Тебе ни сеять, ни пахать (1, 263—270, 277—278).

Он рассчитывает на то, что, увидев его роскошно расшитую шапку, рыцари примут его за своего и

Поверят, что не знался с плугом,
Не гнал волов крестьянским лугом,
И клятвой присягнут везде,
Что не ступал по борозде (1, 305—308).

Гельмбрехт-младший не склонен прислушаться к аргументам отца, которые гласят:

Тот остается не у дел,
Кто восстает на свой удел,
А твой удел — крестьянский плуг,
Не выпускай его из рук.
Хватает знати без тебя!
Свое сословье не любя,
Ты только попусту грешишь,
Плохой от этого барыш.
Клянусь, что подлинная знать
Тебя лишь может осмеять (1, 289—298).

Мало этого, расставшись с крестьянским сословием, юнец утратит его поддержку:

Случись беда, найдись изъян,
Никто, конечно, из крестьян
Тебе не выкажет участия,
А будет только рад несчастью (1, 341—344).

Попадись он в руки крестьян, предрекает отец, они не дадут ему пощады. Но Гельмбрехт-сын глуп, и глупость его, понимаемая Вернером как отрицание разума — дара Божьего, становится источником его неминуемой гибели (218, 223—242; 174, 50—66). Роскошь и цвета одежды юного Гельмбрехта находились в кричащем противоречии с предписаниями и законоположениями XIII в., которые запрещали крестьянам такие излишества. Семиотика поведения, одежды, прически, оружия, равно как и речевого обихода, рисуемая в поэме Вернера Садовника, может быть, не всегда вполне ясная для нынешнего читателя, в XIII в. была совершенно очевидна для всех. Автор всячески ее подчеркивает. Вот юный Гельмбрехт, по-

рвав с крестьянским образом жизни и уйдя к господам, затем является к отцу и приветствует его и родных на фламандском, чешском, французском и латинском языках, вызывая их изумление и насмешки (1, 716—763). Здесь особенно наглядно выражен его внутренний разрыв с прежней социальной средой. И, конечно, не случайно Вернер начинает поэму подробным описанием роскошной шапки Гельмбрехта — символа его измены уделу предков-крестьян, точно так же как не случайно упоминает он, что Гельмбрехт принудил отца справиться ему дорогостоящего коня, нужного для рыцарских деяний.

Гельмбрехт-отец предпринимает последнюю попытку переубедить сына:

Ты должен жить, как я живу,
И хлеб жевать, что я жую,
Пить воду более умно,
Чем, став злодеем, лить вино.
.....
Ведь лучше жить со всеми в мире,
Чем пропивать овец в трактире
Или разделявать быка,
Что ты увел у мужика (1, 441—444, 451—454).

Гельмбрехт-старший пытается воззвать к сословному самосознанию сына:

Достойней сын простого рода,
Чем трутень рыцарской породы,
Пусть род его не знаменит,
Народ им больше дорожит,
Чем тем наследником поместья,
Кто выбрал леность и бесчестье.
.....
Ты быть стремишься благородным,
Сумей же оказаться годным
На благородные дела,
Они для замка и села
Единый истинный венец.
Так говорит тебе отец (1, 491—496, 503—508).

Сын отвергает эти аргументы, признавая вместе с тем их справедливость; помимо желания жить припеваючи он не находит, да и не ищет никакого оправдания: просто-напросто он не желает «утирать соленый пот» и сносить бедность, по три года пестуя телушку или жеребенка; ему «должно знаться с высшим кругом», и разбой, дающий скорую и богатую добычу, предпочтительнее.

Чем честно бедствовать с тобой,
Уж лучше я пушусь в разбой (1, 379—380).

Исследователями уже отмечено, что в драме отец и сын не персонифицируют две разные правды: истина одна, и она на стороне Гельмбрехта-старшего (145). Это естественно и неизбежно для средневековой дидактической литературы. Гельмбрехт-отец подчеркивает, что благополучие всех сословий зависит от крестьян: благодаря их труду процветают знатные дамы и упрочивается власть королей.

Богатым не был бы богатый,
Не помогай ему оратай (1, 559—560).

Он обращается к сыну:

Но рассуди, сынок любезный,
Кто прожил более полезно?
Прилежный пахарь или плут,
Кого ругают и клянут,
Кто на чужой беде разжился
И против Бога ополчился?
Кто с чистой совестью живет?
Признай по чести, это тот,
Кто не словами, делом
Всех кормит в мире целом,
Хлопочет день и ночь,
Чтобы другим помочь... (1, 521—532).

Здесь высказывается расхожая максима о значимости крестьянства и его труда в системе общества. Заявления, свидетельствующие о том, что майер Гельмбрехт отчетливо сознает роль крестьян как кормильцев всего общества и моральной его опоры, едва ли делают сочинение Вернера Садовника «крестьянской повестью в стихах». Подобные же утверждения охотно делали христианские моралисты, противопоставлявшие трудолюбивого земледельца праздному и склонному к насилию рыцарю. В период ослабления центральной власти в Империи и полной разнузданности разбойного рыцарства такого рода оценки были как нельзя более уместны, и мы находим их одинаково и у Вернера Садовника, и у Бертольда Регенбургского, как и у их современников — немецких хронистов и поэтов. Контраст между пахарем и воинственным дворянином также характерен и для французской и английской проповеди XIII столетия. Перед нами своего рода «общее место».

Сатирическая поэма Вернера Садовника — интересное свидетельство умонастроений его времени, и Жак Ле Гофф с основанием квалифицирует ее как «поучительный образчик социальной истории» (152, 395)²⁵. Знание автором «Майера Гельмбрехта» сельской жизни со всеми ее реалиями напеминает поэму «Ruodlieb», в которой, как мы видели, также встречаются сцены деревенского быта. Однако существенное различие между ними состоит, в частности, в том, что эта латинская поэма XI в. еще исходила из представления об относительной близости рыцарства и крестьянства, между тем как в поэме Вернера налицо резкий антагонизм между обоими

сословиями, вызванный и усилением гнета со стороны знати, и упрочением экономических и социальных позиций верхушки крестьян. Впрочем, не следует упускать из виду, что в поэме Вернера изображено не столько рыцарство как таковое, сколько деградировавшие его элементы, бандиты и разбойники, которых юный Гельмбрехт принимает за подлинных рыцарей. Поэма демонстрирует явный разрыв между необоснованными притязаниями выскочки на принадлежность к рыцарству и их убогой реализацией: мужик, затесавшийся в рыцарскую среду, способен усвоить лишь отрицательные ее повадки, но отнюдь не кодекс благородного поведения. В результате в немецкой литературе впервые (если отвлечься от героической поэзии) появляется «негативный герой» (218).

Именно потому, что антагонизм между крестьянством и рыцарством в период «междоусобицы» достиг большого накала, и оказалось возможным появление поэмы, в которой перевернута с ног на голову ситуация притчи о блудном сыне. Видя измену юного Гельмбрехта своему сословию, разрыв им всех уз, связующих его с родом пахарей, отец в свою очередь отвергает свою родственную связь с сыном. Он знает, что выскочке из простонародья, примкнувшему к рыцарскому сброду, не будет пощады ни от властей (представленных здесь судьей и палачами), которые карают его и его сподвижников за содеянные ими насилия и грабежи, равно как и за злостное нарушение законов о ношении оружия и об одежде крестьян (Гельмбрехт-сын наряжался и носил прическу по моде знати и был вооружен подобно рыцарю, т. е. попирает сословные ограничения), ни от сельских жителей, за счет которых он намерен жить. Это разрыв нелегко обходится майеру Гельмбрехту, — в поэме предельно скупое, всего в немногих словах, упомянуты сердечные муки отца, прогоняющего слепого и изувеченного сына, который пришел к его дому (1, 1773—1778). Но он непреклонен: юный Гельмбрехт нарушил самые основы нравственного кодекса простонародья, оставив свое сословие и подобающий ему образ жизни и поведения. Злодею, который грабил и насиловал сельских жителей, посягал на их жизнь и имущество, отказывают в снисхождении не только крестьяне, вздернувшие его на ближайшем дереве, но и собственный отец. Ибо юный Гельмбрехт впал в самый тяжкий из грехов — гордыню (1, 1912—1914) и должен понести страшную кару.

Таким образом, в поэме Вернера Садовника мы встречаем ту же самую максиму, которую усердно разъяснял слушателям Бертольд Регенсбургский в своих проповедях: человек должен оставаться в том сословии и социальном и профессиональном разряде, в котором рожден и воспитан. Общество создано так, что каждый его член служит целому, какую бы должность он ни исправлял, чем бы он ни занимался. Поэма о крестьянине Гельмбрехте — наглядное свидетельство того, какая участь ожидает выскочку, изменившего своему призванию. Однако в проповеди ученый-монах внушает эту максиму слушателям, преимущественно простонародным, — в поэме же она выдается за внутреннюю позицию самих простолюдинов. Того, кто сменил плуг крестьянина на меч рыцаря, сельский мир расценивает как изгоя и злейшего своего врага и соответственно без пощады карает. Нельзя ли усмотреть в поэме выражение самосознания крестьян, которые отдают себе отчет в собственной значимости? Нелегкий во-

прос. Этот аспект крестьянской ментальности мог быть выделен и автором, придерживавшимся церковной или рыцарской точки зрения. Отметим вновь, что он ведь вовсе не ставит под сомнение власть господ, в поэме нет бунтарского духа, — напротив, она утверждает сложившийся извечный порядок вещей, при котором одни воюют, а другие добывают хлеб насущный. Герой поэмы старый Гельмбрехт, один из долгого рода Гельмбрехтов, хозяйничающих на земле, знает цену своему труду и понимает его необходимость для социального целого. В роли бунтарей выступают те неразумные, а следовательно, по тогдашним критериям и подлые, аморальные дети простолоудинов, которые, подобно юному Гельмбрехту, хотели бы изменить установившийся порядок — не радикально, в социальном плане, но для самих лишь себя, с тем чтобы возвыситься и перейти из одного сословия в другое.

То, что в поэме столь эмфатично подчеркнут факт присвоения молодым Гельмбрехтом атрибутов, по праву принадлежащих одним лишь господам, — рыцарского вооружения, боевого коня, богатой, ярко раскрашенной одежды, иностранных слов, которыми он шеголяет, замашек, фонда легенд и мифов (вновь вспомним описание сцен, изображенных на его шапке), наконец, несвойственной крестьянам ментальности, — побуждает предположить, что ситуация описана с точки зрения рыцарства. Ибо именно рыцарство было наиболее восприимчиво к собственной социальной семиотике и болезненно реагировало на посягательства на нее со стороны чуждых ему элементов. Перед нами, скорее всего, не «крестьянская поэма», а произведение, продиктованное взглядами рыцарства, которое не могло быть не озабочено поползновениями «низших» на его привилегии. Не нужно забывать: в XIII в. в Германии еще не существовало и не могло существовать крестьянской читательской аудитории, к которой адресовался бы автор подобной поэмы.

И проповеди Бертольда Регенсбургского, и поэма Вернера Садовника косвенно свидетельствуют о том, что при всей незыблемости сословно-феодального строя, который они утверждают, в обществе существовали индивиды, не довольствовавшиеся своей долей. Против них-то и направлены поучения францисканца Бертольда и стихи «Майера Гельмбрехта». Перед нами и симптомы социальной вертикальной мобильности, и попытки противостоять ей, подавить ее.

Одна из центральных идей, лежащих в основе поэмы, заключается в том, что верность сословной идентичности ценится выше, нежели узы кровного родства, включая и отцовскую любовь к сыну. Крестьянское сословие безжалостно мстит тому, кто преступает извечные нормы его существования. Из этой идеи рождается поэма, в которой отказ отца от изувеченного и обреченного на гибель сына воспевается в качестве единственно оправданной позиции.

Если здесь и слышится конфликт поколений²⁶, то он явно оттеснен на второй план конфликтом социальных идеалов: бессовестному выскочке, сияющему включиться в благородное сословие, старый Гельмбрехт противопоставлен как живое воплощение крестьянских добродетелей. Но в воспевании этих традиционных добродетелей могли быть заинтересованы не одни только сами крестьяне и, может быть, в большей мере даже не они,

а представители тех классов общества, которые испытывали напор со стороны крестьянства, точнее, со стороны определенных его элементов, стремившихся подняться над своей средой. Поэма «Майер Гельмбрехт» представляется мне не апологией крестьянства и его морального здоровья и не выражением его классовой ненависти к рыцарству, а предостережением против нарушения крестьянами установленных сословных границ, предостережением, идущим извне.

Особенность поэмы, если она действительно исходит из рыцарских кругов, заключается в том, что выразитель взглядов этих кругов на сей раз отошел от привычной для светских господ традиции рисовать крестьян в виде грубой, дикой и враждебной массы, полулюдей-полускотов. Для воздействия на простой народ предпочтительнее был избранный Вернером Садовником способ идеализации устоев их жизни, а не глумление над их тупостью, невежеством и нецивилизованностью.

Изучение проповедей Бертольда Регенсбургского убедило нас в том, что в них немалую значимость приобретает понятие человеческой личности, причем оно дается преимущественно в позитивном плане. Но не эту ли проблему поднимает по-своему и Вернер Садовник? Бунтующий против традиционного порядка и сложившегося сословно-функционального разделения общества юный Гельмбрехт противопоставляет себя коллективу, сословию и даже собственной семье. Индивид в безумном, бессмысленном бунте против незыблемого порядка вещей — не такова ли тема «Майера Гельмбрехта»? Поэма безусловно осуждает этот бунт. Но она его констатирует и допускает мысль о наличии в сельском мире и других подобных же индивидов:

Подобный Гельмбрехту юнец
Такой же обретет конец, (1, 1915—1916).
Ведь много есть птенцов зеленых,
Повадкой Гельмбрехта прельщенных,
Растет какой-нибудь малыш
И станет Гельмбрехтом, глядишь,
Начнет соседей грабить ловко.
Но ждет и этого веревка (1, 1925—1929).

Этой угрозой и завершается поэма.

Обращенные к сыну призывы Гельмбрехта-отца остаться в своем сословии и придерживаться крестьянского образа жизни суть не что иное, как предостережения против обособления индивида из устоявшихся рамок социума. Проблема индивидуальности здесь решается в негативном смысле. Личность получает позитивную оценку лишь постольку, поскольку она проявляет себя в общепринятых рамках, как сословная личность.

Наши попытки приблизиться к народному сознанию при посредстве анализа произведений разных жанров средневековой словесности, как правило, наталкиваются на одно и то же препятствие: эти произведения, даже в тех случаях, когда знакомство с ними создает впечатление близких к народу или созданных представителями его, при более внимательном прочтении оказываются вышедшими из-под пера ученых людей. Мировос-

приятие неграмотных масс деревни и города выступает в этих сочинениях уже в переработанном виде, оно прошло сквозь призму идей духовных лиц, других образованных, и подлинные настроения и устремления социальных низов мы находим отраженными на экране иной, чуждой им идеологии и ментальности. Поэтому наши знания о взглядах и представлениях простого народа неизменно косвенные и в большей или меньшей степени деформированные. Голос простолюдина заглушают другие голоса, и лишь в этом противоречивом сплетении мы в состоянии познакомиться с народной культурой средневековья.